

УДК 316.75

В.Н. Семенова

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философских наук и идеологической работы
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: vl.semenova@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГИИ: ФУНКЦИИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ В XIX–XX вв.*

Анализируются основные функции идеологии (мировоззренческая, компенсаторная, легитимирующая) и их роль в формировании общественного сознания. Особое внимание уделяется соотношению понятий «глобальные идеологии» и «тотальные идеологии». Рассматриваются современные политические идеологии, претендующие на статус глобальных идеологий в XXI в.

Введение

Вторая половина XX в. в теории идеологии представлена борьбой концепций деидеологизации и реидеологизации, которые к 90-м гг. XX в. получили свое развитие и обоснование в работах американских идеологов Ф. Фукуямы (сторонник концепции деидеологизации, представитель неомондиализма) и С. Хантингтона (сторонник концепции реидеологизации, представитель неонатлантизма). При видимой несхожести данных авторов глобального противоречия между обозначенными подходами нет. XXI в. может вполне стать ареной столкновения цивилизаций, борьбой Запада (West) и незападных цивилизаций (Rest), которая рано или поздно закончится победой Запада (на это рассчитывают и Фукуяма, и Хантингтон) и наступлением «конца Истории».

Мировая политическая ситуация последней трети XX – начала XXI в. демонстрирует появление и бурное развитие новых нетрадиционных политических идеологий, возникновение новых социальных движений, усиление влияния религиозных и фундаменталистских идеологий и движений, повышение активности радикальных и экстремистских идеологий и группировок. Данные обстоятельства обосновывают актуальность выбранной тематики. С учетом современной идейно-политической динамики необходимо заново обратиться к актуальным проблемам теории идеологии.

Целью статьи является выявление и обоснование важнейших функций идеологии в современную эпоху, а также анализ динамики глобальных идеологий в XIX–XX вв. и раскрытие потенциала возможных глобальных идеологий XXI в. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- 1) анализ основных функций идеологии в современную эпоху;
- 2) выявление соотношения понятий «тотальные идеологии» и «глобальные идеологии»;
- 3) анализ динамики трансформации глобальных идеологий в XIX–XX вв.;
- 4) рассмотрение перспектив формирования глобальных идеологий в XXI в.

Основные функции идеологии как выражение ее центральных задач

В теории идеологии функциональный аспект феномена идеологии разработан достаточно глубоко и подробно. В работах, посвященных анализу идеологии как социально-политического феномена, В.А. Мельник выделяет в качестве основных такие функции идеологии, как познавательная-ориентационная, прагматическая и мобилизационная [1, с. 38]. Ряд авторов в качестве основных называют следующие функции

* Статья выполнена при поддержке гранта БРФФИ в рамках темы «Антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации и диалога культур» (№ Г18Р-211 от 30.05.2018 г.).

идеологии: интегративная, конструктивная, мобилизующая, критическая, когнитивная, нормативная, коммуникативная, компенсаторная [2, с. 15–16]. Однако выделение столь широкого ряда функций, с одной стороны, приводит к утрате специфичности идеологии как социально-политического феномена, а с другой – к расширению его «полномочий» и фактическому приравнению статуса идеологии к значению таких традиционных форм мышления, как религия, философия и наука. На наш взгляд, все многообразие функций идеологии можно свести к трем важнейшим. *Мировоззренческая* включает в себя гносеологическую, аксиологическую, коммуникативную и воспитательную составляющие; *компенсаторная* включает в себе надежду на «светлое будущее» и, как следствие, мобилизующую силу, направленную на осуществление идеальной модели будущего; *легитимирующая* направлена на апологию и сохранение статус-кво существующего социального порядка. Обратной стороной легитимирующей функции выступает критический потенциал негосподствующих идеологий (утопий, по К. Манхейму), направленный на критику и демонтаж господствующих идеологических установок и социальных институтов, их поддерживающих.

Характерной особенностью идеологии является ее принципиально ангажированный характер («оптика взгляда»). Политическая идеология, претендующая на статус тотальной, «переописывает» реальность, создавая свою собственную «картину мира». Так, «картины мира» условных «либеральных» и «консервативных» идеологий практически не пересекаются. Реальные индивиды, являющиеся носителями, например, классического либерализма и классического консерватизма, в процессе коммуникации практически не найдут точек соприкосновения. Конфликты между традиционными политическими идеологиями демонстрируют невозможность и мифичность универсальной, непрерывной и прозрачной коммуникации. В эпоху модерна каждый сталкивается с «эффектом идеологического неузнавания» (С. Жижек). С другой стороны, отмечает Славой Жижек, мы должны «смириться с тем, что доля иллюзорности является условием нашего исторического опыта, что она обладает полноправной ролью в историческом процессе» [3, с. 10].

Как и религиозное сознание, идеология догматична. Все ее многоэтажное здание выстраивается на фундаментальных основаниях, аксиомах, или догматах, которые принимаются на веру без доказательства. Данные основания (например, *свобода* в либерализме, *социальное равенство* в социализме, *социальная иерархия* в консерватизме) составляют ядро конкретной политической идеологии и находятся «вне критики». Это такие догматы идеологической веры, которые и делают идеологию именно этой идеологией. Тотальное многоэтажное мировоззренческое здание конкретной идеологии может в процессе своего развития претерпевать косметические и даже капитальные ремонты, пристройки, разрушение до фундамента (деструкцию), демонтаж и перестройку (деконструкцию).

Следствием мировоззренческой функции является компенсаторная функция. Идеология не только «переописывает» прошлое, создает «картину мира» настоящего, но моделирует идеальный проект будущего, свой собственный «золотой век», представляющий собой «смутный объект желаний», к которому настоящее должно асимптотически приближаться. Без этого райского Эльдорадо здание любой политической идеологии рухнет достаточно быстро. «Золотой век» может находиться в будущем (коммунистическое «царствие божие на Земле»; либеральное всемирное правовое государство; современные технократические утопии с безусловным базовым доходом и безработицей как «обеспеченным досугом»), либо в прошлом (консервативные, традиционалистские и фундаменталистские проекты возврата к «золотому веку», традиции и т.п.). В будущем или в прошлом находится утопический проект, в данном случае не имеет существенного значения, поскольку утопическое прошлое консервативных и ультраконсервативных идеологий находится не в реальном прошедшем, а в реальном буду-

щем. С точки зрения феноменологического подхода различные консервативные утопии представляют собой не саму традицию и даже не память о традиции, а воспоминание о традиции (в духе гуссерлевского анализа внутреннего сознания-времени) с учетом ее первоначального «забвения» (хайдеггеровская идея *Wiederholung*, возвращения к онтологии после метафизического «забвения» смысла бытия).

Одновременно современная виртуализация реальности ничуть не снижает, а, наоборот, повышает компенсаторные возможности идеологии. С учетом широкого применения сегодня (в том числе и в политической практике) психологических и политических технологий, связанных с манипуляциями массовым сознанием, организацией и проведением массовых политических мероприятий, мобилизационные возможности политических идеологий не снижаются, а повышаются. Формы, методы и технологии идеологического воздействия на индивидуальное и коллективное сознание сегодня иные, но политические идеологии все еще могут (хотя в отличие от воздействия традиционных идеологий не на длительный, а на короткий промежуток времени) увлечь и мобилизовать определенные социальные группы.

Прагматическая функция идеологии является главной для правящей политической элиты и реализующих ее волю политических институтов, прежде всего государства, представляя собой функцию легитимации и апологии существующего порядка вещей. Главной целью политики как социальной практики является достижение и удержание политической власти. В рамках реализации властных амбиций и властного потенциала «достижение» и «удержание» связаны с активными и зачастую насильственными действиями. Однако ни одна политическая сила не может и не желает долго удерживать политическую власть только посредством силового ресурса. Наиболее действенным механизмом легитимации политической власти являются «внутренние репрессии», к которым можно отнести религию, идеологию и общественную мораль. Абстрагируясь от иных социальных функций религии и общественной морали, отметим, что появившиеся в Новое время политические идеологии, выступали тем средством легитимации власти, каковым в традиционном обществе была религия.

В традиционном обществе монархическая власть носит сакральный характер («помазанник божий»). Фигура царя (императора) совмещает в себе две функции: священническую и рыцарскую, являясь связующим звеном (понтификом, «мостом» между небом и землей). Сакральный характер царской власти подкрепляется божественным происхождением царских династий, а также даром монарших особ совершать чудеса и исцелять болезни. Трансцендентный исток механизмов легитимации власти сводил практически на нет скептический потенциал по отношению к различным властным социальным институтам традиционного общества.

Осознавая важность механизмов сакрализации в формировании и закреплении легитимности власти, можно отметить, что легитимность – это прежде всего «вера в легитимность» (М. Вебер). В современных светских обществах, где религиозные механизмы легитимации власти практически сведены к нулю, правовые механизмы (без подкрепления сферы права религиозным или метафизическим обоснованием) все чаще подвергаются сомнению и держатся на силе принуждения. Для поддержания существующего порядка властные структуры все чаще вынуждены опираться на внешние силовые механизмы. Это приводит к тому, что современное право, по замечанию немецкого политического мыслителя и юриста Карла Шмитта, все чаще выстраивается по образцу уголовного права, а государство может постепенно превратиться в полицейское государство. В полицейском государстве происходит «сворачивание» и политической сферы. Как отмечает российский социолог Александр Филиппов, «государственный механизм устроен так, чтобы подлинной интенсивной политики никогда не допустить. Это полицейская составляющая любого современного государства» [4, с. 23–24].

Остальные функции идеологии, упоминаемые в теоретических исследованиях, являются второстепенными, вытекающими из мировоззренческой, компенсаторной и легитимирующей функций идеологии.

Проблема типологии политических идеологий: глобальные и тотальные идеологии

Одну из первых типологий предложил немецкий политический мыслитель и социолог Карл Манхейм, разделивший идеологии на *тотальные* и *частичные*. Смысл частичной идеологии артикулируется в ее противостоянии и борьбе с другими идеологиями. Частичная идеология выражает интересы определенной социальной группы, которая четко осознает и даже конструирует как свои «пространственные» границы, так и границы своего мировоззрения, конкурирует или ведет борьбу с другими идеологиями в рамках политического, социального или культурного поля. Радикализм тотальных идеологий заключается в выстраивании своей собственной «картины мира», причем логика формирования и развития любой политической идеологии такова, что она стремится как к глобальному своему распространению, так и тотальному «переописыванию» всей реальности сквозь призму своей догматики.

Похожую типологию идеологий по охвату реальности предлагает В.А. Мельник, выделяя идеологии *глобальные, локальные и частные* [1, с. 47]. Глобальные идеологии распространились по всему миру. Локальными являются идеологии отдельных государств, групп государств, наций; к ним могут быть отнесены т.н. региональные и национальные идеологии. Частные (частичные) идеологии представляют собой системы идей, представлений, ценностей отдельных социальных групп (например, корпоративные или партийные идеологии).

Те же пропорции в масштабе присутствуют в монографии российского исследователя В.Н. Кузнецова [5], где выделяется корпус идеологий гражданского общества и антигражданские идеологии. Выбирая в качестве критерия типологии критерий включенности или невключенности в корпус *«идеологий гражданского общества»* (курсив наш – В. С.), В.Н. Кузнецов выделяет *глобальные, региональные, национальные, корпоративные и партийные идеологии*. К идеологиям антигражданского общества указанный автор относит идеологии международного, регионального терроризма, а также идеологии организованной преступности [5, с. 45].

Обращаясь к соотношению понятий «глобальная идеология» и «тотальная идеология», отметим, что многие исследователи их фактически отождествляют [6, с. 140]. Так, например, В.А. Мельник отмечает: *«Глобальные, они же и тотальные»* (курсив наш – В. С.), идеологии претендуют на выработку общего для всего человечества понимания и объяснения мира и всеобъемлющей программы жизнедеятельности, универсальных принципов организации и функционирования общества... К таким идеологиям, как правило, относят социализм (особенно в его марксистском понимании), либерализм и консерватизм, включая национализм как разновидность последнего» [1, с. 47].

Представляется, что признак глобальности распространения по необходимости должен включать в себя признак тотальности: претендовать на мировой масштаб может только тотальная идеология. Однако не каждая тотальная идеология может носить глобальный характер. Например, идеология анархизма сегодня является тотальной идеологией, поскольку она претендует на «переописывание» всей реальности, создание своей собственной «картины мира». Такой же тотальной сегодня становится и идеология феминизма (ее третьей волны), и идеология трансгуманизма. Однако данные идеологии (во всяком случае пока) не получили глобального распространения. С точки же зрения устоявшегося подхода к теории идеологии идеология анархизма (без учета ее разновидностей) причисляется к радикальным левым (ультралевым) идеологиям, а идеология

феминизма – к альтернативным идеологиям, и рассматриваются они лишь как частичные идеологии, выражающие интересы отдельных социальных групп.

Таким образом, для отождествления тотальных и глобальных идеологий недостаточно оснований. Логически соотношение между глобальными и тотальными идеологиями можно выразить следующим образом: каждая глобальная идеология обязательно является тотальной, но не каждая тотальная идеология является глобальной.

Глобальные политические идеологии в XIX–XXI вв.

Говоря о перспективах развития политических идеологий в XXI в., невозможно согласиться с мнением авторов, полагающих, что «набор» глобальных идеологий остается постоянным и достаточно устойчивым. На протяжении более двухсот лет существования политических идеологий одни глобальные идеологии исчезали, их место занимали другие. Традиционно к глобальным политическим идеологиям относят *либерализм, консерватизм, коммунизм и социал-демократию* (в англоязычных источниках коммунизм и социал-демократия рассматриваются как разновидности социализма). Однако формирование, развитие и борьба этих идеологий в основном приходится на XIX в. Уже в первой половине XX в. расстановка сил существенно меняется. Под давлением либеральной эмансипации во всех сферах духовной и социальной жизни Запада классический консерватизм (представленный в работах Жозефа де Местра, Луи Бональда, Хуана Доносо Кортеса) практически полностью исчерпывает свой социально-политический потенциал. Под давлением либеральных и социалистических идей в первой половине XX в. на смену классическому консерватизму приходят младоконсерваторы (А. Мёллер ван ден Брук, Э. Юнгер, О. Шпенглер) и ультраконсерваторы (профашистские режимы Миклоша Хорти в Венгрии, Франсиско Франко в Испании, «Железной гвардии» К. Кодряну в Румынии и др.).

Реформистский социализм (европейская социал-демократия) сближается с либеральной идеологией (особенно в ее кейнсианской социал-либеральной версии). Таким образом, уже в XX в., согласно лидеру французских «новых правых» Алену де Бенуа, глобальные идеологии уже представлены *либерализмом, коммунизмом и фашизмом* (фашизм репрезентирует ультраконсервативный блок, а социал-демократия фактически сливается с либеральной идеологией). Данный тезис не будет казаться спорным, если рассматривать XX в. как «короткий XX в.», который начинается в 1914 г. и заканчивается с распадом СССР и социалистического блока в 1991 г. А. де Бенуа пишет: «XX век стал веком трех доминирующих политических теорий – либерализма, коммунизма и фашизма. Они породили множество промежуточных идеологических течений, но в целом эти три направления сложились, развились, исчерпали свою историческую релевантность и завершились именно в прошлом веке. Сегодня мы действительно подошли к тому рубежу, когда три предыдущие политические теории почти полностью исчерпали себя, все три системы родились вместе с модерном. И совершенно нормально, что они исчезают со сцены в то время, когда модерн уступает место постмодерну» [7, с. 11].

Во второй половине XX в. развитие политических идеологий идет по пути «размывания» и фактического исчезновения традиционных идейно-политических течений; появляются как их радикальные версии, так и гибридные идеологии (иногда их называют «альтернативными», иногда «неклассическими», к каковым, например, относят технократизм, экологизм, антиглобализм, киберанархизм, радикальный феминизм и др.). Собственно, т.н. нетрадиционные политические идеологии XX в. (национал-социализм, маоизм, идеология красных кхмеров, «новых левых», либертарианства, анархо-капитализма и др.) уже являются гибридами, перемешивая внутри себя, зачастую причудливым образом, принципы классических «левых» и «правых».

Некоторые авторы, в частности российский исследователь М.Г. Смирнов, наряду с доминантными тенденциями гибридизации традиционных идеологий выделяют также

«периферийные» идеологии, тоже гибридного характера: «Одновременно с этим происходит развитие “периферийных” идеологий, не участвовавших в основном противостоянии. Они также подвергаются гибридизации и до сих пор имеют значительный потенциал за счет использования социокультурных ресурсов и ориентиров. К подобным периферийным идеологиям можно отнести прежде всего национальные идеологии, такие как пантюркизм и пантуранизм, хиндутва, китайский социализм и др.» [8, с. 32]. Хотя, на наш взгляд, подобные идеологии можно отнести к неклассическим гибридным идеологиям, как современным модернизированным версиям классического противостояния либерализма, консерватизма и социализма.

Сложившийся кризис большинства идеологических систем указывает на необходимость появления новой глобальной идеологии.

Какие политические идеологии могут претендовать на глобальный характер в XXI в.? «Левые», на наш взгляд, могут быть представлены леворадикальными версиями либеральной идеологии или современным неонархизмом (кибернархизмом, хактивизмом). Современный либерализм «полевел» самым существенным образом (от либертарианства и анархо-капитализма до трансгуманизма и радикального феминизма). Левoliberalные идеологии в перспективе XXI в. вполне могут заключить альянс и стать новой глобальной идеологией натурализма. Глубоких противоречий в учениях либертарианства, радикального феминизма и трансгуманизма не существует, поскольку они в принципе исходят из либерального представления о человеке как телесном атоме. Критикуя либерализм как мировоззрение, А. де Бенуа отмечает: «Либерализм является антропологической системой даже в большей степени, чем социально-экономической. То есть он предлагает определенное видение человека. Каково это видение? Оно заключается в том, что человек рассматривается как отдельный атом. Либерализм анализирует общество исходя из индивидуума. И он может это сделать, только отнимая у человека все структуры, в которые он входит. Можно сказать, что либеральное представление о человеке, либеральная концепция человека – это его представление как не-социального существа» [7, с. 12].

Альтернативный лагерь представлен современными правыми, к которым можно отнести на сегодняшний день уже ставшую глобальной идеологию неоконсерватизма (во всех ее проявлениях, начиная от неоконсерватизма США до современного китайского и российского вариантов), сделавшую ставку на укрепление государства. Современный религиозный фундаментализм, агрессивно и широко распространяющийся сегодня по всему миру, также явно претендует на глобальный характер и, безусловно, так или иначе усиливает лагерь «правых» идеологий, точнее, ультраправых.

По поводу развития и распространения идеологии социализма однозначного мнения нет. Так, российский исследователь Н.Н. Равочкин пишет: «В современном мире все явственнее проступают контуры глобальной идеологии социализма. Можно привести достаточное количество примеров и фактов, которые подтверждают нарастающую тенденцию социализации человечества как объективную, глобальную, неизбежную. Авторы концепции считают, что мир “устал от капитализма”, который привел большинство стран в тупик, как и попытка СССР построить “бюрократический социализм”, т.е. капитализм, лишенный его преимуществ. По их словам, стремление к социалистической модели мирового устройства – процесс естественный и отвечающий духу времени» [6, с. 140].

Однако примеры неудачных коммунистических экспериментов во второй половине XX – начале XXI в. демонстрируют резкое снижение популярности и влияния социалистических идей. В ближайшей перспективе социализму вряд ли удастся вернуть позиции глобальной идеологии ни в плане социальной утопии, ни в плане социальной критики (здесь на сегодняшний день гораздо сильнее позиции «левацких» радикального феминизма, современного троцкизма и неонархизма, например, кибернархизма или антиглобализма).

Заклучение

Эпоха модерна завершилася в историческом плане «коротким XX в.», а в идейном – глобальной трансформацией политических идеологий. На смену традиционным политическим идеологиям (либерализму, консерватизму, коммунизму, социал-демократии) в эпоху постмодерна в XXI в. приходят радикализованные «левые» и «правые», а также нетрадиционные гибридные идеологии, причудливым образом сочетающие в себе принципы различных традиционных идеологий. Данные радикальные трансформации привели к ряду следствий.

Необходимо отметить своеобразный когнитивный диссонанс, все еще широко представленный в современной теории идеологии, когда совершенно изменившееся идеологическое и политическое пространство до сих пор меряется старыми мерками борьбы либералов, консерваторов и социалистов.

Еще одним следствием изменившейся социально-политической реальности стал уход с авансцены идейного противостояния классического либерализма, консерватизма и социализма. На их место постепенно придут новые глобальные политические идеологии. В частности, идеологию неоконсерватизма можно в полной мере сегодня рассматривать как глобальную идеологию XXI в. Также на статус глобальной могут претендовать объединенные леволиберальные силы в виде идеологии натурализма. Такая перспектива имеется также в рамках конвергенции идеологий технократизма и трансгуманизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / В. А. Мельник. – Минск : Выш. шк., 2010. – 343 с.
2. Основы идеологии белорусского государства : учеб. для вузов / под ред. С. Н. Князева, С. В. Решетникова. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.
3. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Худож. журн., 1999. – 158 с.
4. Филиппов, А. Свободный человек сам ставит себе цели / А. Филиппов // Культиватор. – 2011. – № 1. – С. 5–27.
5. Кузнецов, В. Н. Идеология: социологический аспект / В. Н. Кузнецов. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 412 с.
6. Равочкин, Н. Н. Структура и содержание глобальной идеологической доктрины / Н. Н. Равочкин // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2014. – № 3. – С. 139–141.
7. Бенуа, А. де. Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / А. де Бенуа. – СПб. : Амфора, 2009. – 476 с.
8. Смирнов, М. Г. К вопросу о развитии политических идеологий. Идеология натурализма / М. Г. Смирнов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 12 (266). – С. 31–36.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.05.2018

Semenova V.N. The Modern Theory of the Ideologies Functions and the Dynamics of the Development of the Global Political Ideologies in the XIX–XX Centuries

The article deals with the actual problems of the modern ideology theory. It gives a detailed analysis of the main functions of ideology (ideological, compensatory, legitimizing) and their role in the formation of public consciousness. Particular attention is paid to the correlation between the concepts of «global» and «total» ideologies. The article examines those modern political ideologies, which claim the status of global ideologies in the XXI century.